

юридическая этика («шпионаж», «смертная казнь»), военную этику, сексуальную, политическую, компьютерную, этику искусства, цензуры, и т.п.² Издатели данной престижной работы стремятся не только воспроизвести и отразить в ней современные достижения прикладной этики, но попытаться объяснить генезис и причины возникновения этого особого вида этики. Их ответ — рост человеческих знаний и технологических возможностей. Именно в них они видят причину увеличения количества этических проблем, с которыми столкнулось современное человечество: «С тех пор, как возникла генетика, — пишут они, — возникли вопросы, которые никогда раньше не вставали перед человечеством: следует ли рожать детей искусственным способом? Должно ли общество пытаться создать сверхживотных и сверх-людей средствами генной инженерии? — В связи с развитием компьютерной технологии, встали проблемы использования роботов вместо рабочих и отношения людей к искусственно созданным мыслящим существам»³. Наряду с прочими называются и такие драматические проблемы как распределение мировых пищевых и сырьевых ресурсов, рост народонаселения и др. И поэтому этика становится предметом интереса многих людей.

Мы со своей стороны назовем еще одну весьма важную причину как развития прикладных видов этики, так и увеличения внимания к ним не только со стороны профессиональных ученых, но и все более широких масс людей. Эта причина — необходимая, но недостаточная. И все же о ней важно сказать. Это — страх. Никогда еще ранее в истории человечества страх не приобретал таких глобальных масштабов, ведь в конце нашего столетия предметом страха стала реальная возможность глобальных катастроф — ядерной, экологической, демографической и др. А если признать, что традиционное в прошлом отношение к религии как к

всеобщей панацее от зол тоже изменилось, то станет понятно, что именно к этике люди сегодня могут все чаще обращаться с поисками ответов на трудные вопросы. В этом смысле прикладная этика — это зеркало страха человечества в конце двадцатого века, в том числе страха перед наукой и техникой. И отдельные ее разновидности отражают как бы многочисленные предметы этих страхов и опасений — от медицины до экологии и политики. В этом смысле ни о каком окончательном варианте прикладной этики или окончательных решениях ее проблем сегодня говорить еще рано.

ГЛАВА I. ВОЗНИКНОВЕНИЕ И СУЩНОСТЬ ПРИКЛАДНОЙ ЭТИКИ

Анализ развития западной этики (мы имеем в виду прежде всего англоязычные страны) на протяжении двадцатого века позволяет выделить несколько главных этапов. С самого начала века был поставлен вопрос о необходимости переосмысления задач этики, нахождения новых путей и методов, по сравнению с предыдущей традиционной этикой, ее развития. Уже первый (хронологически) теоретик этики XX века — Дж.Э.Мур — выступил с критикой всех традиционных направлений этики. Он подробно проанализировал недостатки и ошибки метафизической, наиболее ярко представленной еще Кантом, натуралистической этики, в самых различных ее разновидностях, утилитаристской, эмотивистской этики, и показал, что ни одно из существовавших в этике направлений не в состоянии решить ни один из ее основополагающих вопросов — что такое добро, идеал, правильное поведение, счастье. С этого — критического настроения — началось развитие западной этики в нашем столетии.

И этот негативно-критический настрой оказался весьма конструктивным. Мур положил начало целому особому периоду в существовании этики, длящегося затем без малого шесть десятилетий и получившему общее, хотя и не очень точное наименование метаэтики¹. За этот период западной этикой была проделана огромная аналитическая работа. В русле метаэтики были

подвергнуты строго логическому анализу все важнейшие этические понятия: добро, идеал, долг, правильное и неправильное и др. И хотя результаты анализа в целом ряде случаев были весьма неутешительными для этики — как, например, логический анализ понятия добра, предпринятый Муром в работе «Принципы этики» или анализ правильного в книге «Этика» (Ethics, London, 1912) — общий итог этого периода в развитии этики состоял в том, что проделанная работа, помимо множества отдельных ценных находок, как бы исчерпала до конца все возможности абстрактного формально-логического, лингвистического анализа, и по контрасту, убедительно доказала необходимость перехода на качественно новые пути исследования в этической теории. Критика метаэтики завершилась почти единодушной решимостью обратиться от сухой логики к жизненным фактам моральной, социальной и психологической эмпирики.

Следующий после метаэтики — второй период в развитии западной этики — ознаменовался именно таким поиском прорыва к реальной жизни — к социологии и психологии морали. Этот второй — назовем его дескриптивным (эмпирическим) — период продолжается не слишком долго, всего два-три десятилетия, и, как мы постарались показать в своих работах, хотя и принес, в свою очередь, некоторые полезные результаты, выполнил, главным образом, подготовительную работу. Пройденные в этот период английской и американской этикой пути — анализ эмпирических фактов из области социологии и психологии морали — убедительно показали, что и здесь этика еще не обретает своего главного предмета: конкретного человека, на протяжении всей своей жизни сталкивающегося с реальными моральными проблемами. Ведь и социология, и психология морали все-таки имеют дело все с тем же усредненным, а значит абстрактным индивидом, объек-

том моральных норм и их транслятором. Но и поиски, осуществленные в этот период, тоже подготовили «переход к человеку» в конкретных сферах его жизнедеятельности. Именно здесь человек уже становится главным предметом изучения, а науку начинают интересовать все детали, все конкретные подробности его поведения с моральной точки зрения, т.е. конкретные ситуации, где на карту ставятся не только деньги и благополучие людей, но часто и сама жизнь.

Третий период — новейший, текущий — в развитии западной этики, как мы полагаем, представляет собой период прикладной этики. И это отнюдь не случайно. Он является закономерным, органическим результатом процесса развития этики в течение всего двадцатого века, как бы его итогом. На наших глазах этика в течение текущего столетия прошла путь от сугубо теоретического, абстрактно-логического, методологического анализа в виде метаэтики — до, может быть, высшего своего достижения — до решения самых насущных, острых, больных, прямо и непосредственно касающихся живого человека проблем — до биоэтики и прикладной этики в целом. Такова одна из весьма правдоподобных гипотез относительно причин возникновения прикладной этики: тупик метаэтики был благополучно преодолен за счет возникновения сначала дескриптивной, а затем и прикладной этики. Допустимость такого предположения проистекает из того широко известного факта, что проблема связи этики с жизнью, связи теоретического и практического для этики всегда была поистине роковой. Но и в других науках проблема соотношения теории и практики именно в нашем веке вновь стала особенно острой. Она встала и перед теоретической физикой и перед математикой, и перед многими другими научными дисциплинами. Сам термин «прикладная» наука возник внутри естествознания, внутри фундаментальной науки. Из нее он был

вскоре перенесен в гуманитарные науки, в том числе, в философию и этику. Важно подчеркнуть лишь, что для такого разграничения теоретической и прикладной разновидностей одной и той же науки необходимо только одно условие: чтобы теоретическая ее часть достаточно хорошо развилась и как бы достаточно далеко ушла от практики. В этике такую роль сыграла метаэтика, которая стала достопримечательностью начала века и которая провозгласила себя принципиально отличной от нормативной этики, а значит, от этики, обращенной к практике, к жизни.

О соотношении теоретической и прикладной (практической) этики

Если попытаться проанализировать с интересующей нас точки зрения не только новейшую историю этики, но и всю ее многотысячелетнюю историю, то в ней, в силу самой ее специфики, всегда остро стояла проблема соотношения теории и практики. В этике всегда сосуществовали если не противоположные, то достаточно отличающиеся друг от друга тенденции: теоретичность — ориентация на выработку строго научной теории — и «практичность» — подчеркивание особого характера этического знания — его направленности на практику, необходимости его приложения к решению реальных, практических жизненных задач. Как известно, наиболее строго и последовательно такое различие было проведено Кантом. «Практический разум» выступает у него синонимом именно морального познания и поведения. Кант важен для нас и в другом отношении. До Канта обоснование этики проводилось по самым различным эмпирическим основаниям: гедо-

нистическое, утилитаристское (основание на принципе удовольствия, на принципе пользы) и т.п. Именно Кант впервые доказал возможность строго теоретического обоснования этики, и в то же время именно Кант, говоря современным языком, может считаться и первым «прикладником». Причем даже типы или виды прикладной этики Кант наметил именно те, которые, спустя более двухсот лет развились в качестве основных видов современной прикладной этики: антропологические, педагогические, политические и др. проблемы. Кант интересовался и теми проблемами, которые, казалось бы, уже полностью зависят от ситуации конца двадцатого века — проблемами биоэтики — высказываясь, например, об эвтаназии, о моральном статусе эмбриона и др.

Но весьма любопытным в этом является тот факт, что несмотря на постоянные в истории этики декларации и призывы идти в жизнь, быть ближе к жизни, внедряться в практику, в повседневную жизнь людей, этика, не отрицая такой необходимости, не отказываясь в принципе от их реализации, в то же время никак не могла действительно перейти от теории к практике, от науки к жизни, найти методологию преодоления их отрыва. Почему?

Разобраться в этом вопросе особенно интересно еще и потому, что никто из представителей этики не только никогда не отказывался от практического применения своей науки к жизни, но и с разной долей настойчивости ратовал за это. И в то же время не мог осуществить. В первую очередь потому, наверно, что слишком много дел всегда оставалось в собственно теоретическом этическом хозяйстве. Все новые и новые витки вокруг своих проблем делала этическая теория, все новые и новые подходы предлагала, но эти проблемы как бы все вновь и вновь ускользали от более или менее четкой методологической их реализации, демонстрировали свои осо-

бые, все новые и новые внутренние противоречия. А без приведения этической теории в состояние достаточно совершенной теоретической и методологической системы, нельзя было всерьез надеяться на то, что она будет готова выдержать прямое приложение к практике. И этот переход как бы вновь откладывался и вновь провозглашался.

В данном смысле особенно важно подчеркнуть, что призыв «от теории к практике» наконец был услышан и осуществлен именно в нашем веке. В наше время этика сделала огромный скачок вперед в деле осмысления и упорядочивания своего теоретического багажа. Мы имеем в виду прежде всего всю ту же западную метаэтику, которая за 5-6 десятилетий своего существования потряхнула весь теоретический багаж этики и смогла внести максимально возможные уточнения во все ее понятия, категории, принципы и нормы. Можно сказать, что метаэтика подытожила все предшествующее развитие этической теории за тысячелетия. За что и получила дружное — с самых различных позиций — но одинаково безоговорочное — обвинение в «абстрактном теоретизировании», полном отрыве от жизни, в уходе в формализм, в равнодушии к практической морали.

Автор этих строк, как и многие другие и в нашей стране, и на Западе также приложил немало усилий для доказательства того, что это — «этика без морали». Все критики метаэтики были единодушны в призывании (очередном, бесконечном по счету) переходить, наконец, от теории к практике. Правда, почти никто не мог сказать, как это можно сделать конкретно, но призывали все. Нашему читателю не нужно объяснять как обстояло дело с лозунгом «идти от теории к практике» в марксистской этике. Здесь это означало слить этику с идеологией, побудить этику как можно более эффективно сотрудничать с идеологией, «срастить» теорию не вообще с практикой, но с идеологической практикой. И мы

сразу хотим внести ясность в это разграничение: мы вкладываем в понятие «приложения» теории к практике совсем не такой смысл.

Для прояснения нашего понимания процесса «приложения» этической теории к практике необходимо, как нам кажется, рассмотреть ряд сложных проблем. 1) Прежде всего, именно сейчас, по прошествии определенного периода после накопления метаэтикой ее основных теоретических данных можно сформулировать некоторые выводы относительно уровня развития этической теории ибо только достаточно высокий уровень ее мог стать основой прикладной этики. 2) Именно, сейчас, когда в последние два-три десятилетия фактически оформилась и успешно развивается (на Западе) прикладная этика, можно уже попытаться осмыслить это явление, проанализировать достигнутый уровень ее развития и спрогнозировать ее движение в будущем. Учитывая же, что современная западная прикладная этика создавалась не на пустом месте, имеет смысл проследить ее корни в прошлом и рассмотреть, как шел процесс переосмысления содержания понятия практической этики и перерастания ее в прикладную.

При этом, для начала, будем понимать прикладную этику в буквальном смысле этого термина — как приложение этических и моральных понятий и суждений к конкретным сложным, часто очень драматическим, и в любом случае — противоречивым ситуациям. Сам процесс этого приложения — не простой и спокойный процесс «конкретизации» общих положений в эмпирической стихии. И это даже не просто «казуистика» (от слова *casus* — случаи), т.е. рассмотрение бесконечных случаев и ситуаций такого приложения, о котором еще когда-то в своей книге «Принципы этики» Мур писал как о характерной черте вообще всякой теории морали. Это даже и не казуистика типа юридической, судебной, где речь идет об искусстве произвольного, в зависи-

мости от интересов субъекта, истолкования общих положений закона применительно к конкретным ситуациям. Нет, это процесс, весь драматизм которого связан с действительной, житейски реальной неразрешимостью многих моральных ситуаций, когда *одинаково* правильными являются диаметрально противоположные точки зрения и способы поведения. Это процесс, порождающий *моральные дилеммы*, а потому очень часто заводящий в тупик, выход из которого требует напряжения поистине всех сил человека и чреватый уже не просто драмой, но часто и трагедией. Именно в этом процессе не просто проверяются, но часто и закладываются, рождаются правила и требования к поведению. Именно в этом процессе выплавляются затем своды тех правил, заповедей, запретов, те кодексы, которые в последующем очень часто переходят в законы и нормы поведения.

Ниже мы еще будем подробно рассматривать самые различные аспекты и значения «приложения» теории к практике. Пока же мы будем использовать понятие прикладной этики не в этом широком смысле слова, а как некоторую особую, достаточно самостоятельную, специфическую часть этики, которая возникла и оформилась внутри структуры этики наряду с теоретической, с одной стороны, и с дескриптивной, с другой, и представляет собой, как мы уже отмечали выше, некоторое новое явление в этике, сложившееся в ней буквально в последние два-три десятилетия. Именно такую особую самостоятельную часть этики, получившую название прикладной, т.е. прикладную этику в узком смысле этого слова, мы постараемся пока что, для начала, понять и проанализировать.

Так как же все-таки возникла прикладная этика как некий артефакт конца двадцатого века? Возможны, по крайней мере, три варианта ответа: По контрасту с чрезмерным увлечением теорией и забвением практики,